

Главный театралный режиссер Петербурга Лев Додин продолжает работу над спектаклем по роману Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». Принцип «нельзя поставить того, что не пережил сам» привел профессора Санкт-Петербургской академии театрального искусства и его студентов в Освенцим. Правительство Польши предоставило им возможность двое суток провести в лагерных бараках. Перед польской кампанией Додин и ученики побывали на Таймыре, в течение недели путешествуя по местам, связанным со сталинскими репрессиями. Из таймырской экспедиции — Андрей Волков специально для «Новой газеты».

Нынешний курс Додина в СПГАТИ наверняка назовут «курсом Гроссмана». Как был курс Абрамова — когда рождалась сценическая версия романа «Братья и сестры», ставшая в итоге легендой новейшей театральной истории России. Своих студентов Додин набирал специально для работы над спектаклем по «Жизни и судьбе». Теперь периодически окунает их в ту действительность. И если в прошлом году посвящение огромного числа академических музыкантов 30-х приятно разнообразило обучение актерскому делу, то нынешняя командировка стала эмоциональным испытанием для всех — как для студентов, так и для педагогов. Памятник евреям — жертвам репрессий (так называемая «норильская Голгофа»); бывшая станция Каларгон, сохранившая остатки лагерных построек; общество репрессированных, которые выжили в сталинской мясорубке, но остались в Норильске; действующая ИТК... — язык не поворачивается назвать программу экскурсионной.

— Как в вашей работе может помочь посещение современной колонии?

— Эти люди, эти глаза... Правда, все это в достаточной мере не похоже на то, что было раньше. Но сама несвобода страшнее всего. Перед ИТК мы были в Каларгоне, и там остался штрафной изолятор. Я думаю, его надо сохранить, потому что мало где сохранилось в таком понятном виде. Там есть такая камера... Я

Лев ДОДИН:

— Я вообще плохо понимаю, что такое олигарх в применении к России. Ведь олигархия — это такое философско-экономическое понятие. Сращивание капитала с властью. Власть политической с властью экономической. В Советском Союзе главным олигархом всегда было государство. Потом было некое тяготение к олигархии у первых наших миллионеров — в силу интереса к власти. Следующее поколение очень богатых людей сложно назвать олигархами, потому что они не сращены с властью, а скорее напуганы ею, зависимы от нее. Вряд ли Ходорковского можно считать олигархом, потому что он никогда не был при власти и с властью. А что такое «театральный олигарх», это вообще непонятно, с властью мы не сращены тем более... Может, речь идет о том чувстве уверенности, которое мы стараемся внушить. Черт его знает. Мы стараемся не очень жаловаться на финансовое положение, хотя оно тяжелое. Но считаю, что театр в принципе, как бы ему ни

была сказана, огромной тревожностью общественной. То есть он не просто по доброте душевной, по любви театр, полагал. Ведь что-то еще его заставляло, так же как и Третьякова. У сегодняшних богатых людей пока, конечно, это чувство развито не так сильно, потому что все наши богатые люди — они богатые в первом поколении, у них нет чувства

литика. И вдруг прошло десять лет, и стало ясно, что никто ничего не помнит, никто ничего не знает. Когда-то мы читали «Архипелаг ГУЛАГ» в западных изданиях, в самиздате. И казалось: если когда-нибудь эту книгу напечатают в России, то сразу возникнет правда. Потому что достаточно узнать правду.

— И напечатали.

— И ее в России не прочли. Просто не прочли. Оказалось, что тот страх, который испытывала коммунистическая партия, был беспочвенен.

сомолы меня охраняли, не имея отношения к этой партии — эта партия меня посадила. Но она отравлена страхом на всю жизнь. И она больше всего боится, что та же участь постигнет дочку. И она ничего не рассказывает дочке. И только говорит: первой запишись в комсомол, скорее вступай в партию, будь активной партийкой. Это же какое чудовищное изнасилование сознания на самом деле! И дочка волей-неволей становится честной партийкой, в той мере, в коей можно быть

в несвободу. Свобода уже невыносима. В тот промежуток свободы, которым мы подышали, мы сразу обнаружили, насколько это сложнее. Никто к этому готов не оказался. Даже интеллигенция оказалась не готова. 90 процентов могут сказать: ведите нас обратно в советскую несвободу. Но верните гарантированные двести рублей зарплаты. И сейчас интеллигенция во многом реакционнее, чем другие слои общества. Сейчас мы проходим новый исторический опыт. По-своему трагич-

Нас вызывает Таймыр

Знаменитый театралный режиссер проведет студентов по местам сталинских лагерей

Они просто слишком трусливыми были. Они были такими ничтожествами, что сами не верили в то, что они сделали. А они так изуродовали и так измучили народ, что он не хочет анализировать свое уродство, потому что это тоже очень больно. Сострадание — тоже очень болезненная акция. Пройти все по-новому. Еще раз убедиться, что твои прародители умирали зря. А ты потом всю жизнь, отдавая все этой власти, предавал память прародителей. Ведь вся цепь истории — это огромное количество взаимных предательств, измен. И в Норильске мы с этим снова столкнулись.

Я здесь познакомился с одной женщиной, Натальей. Ее мама, простая украинская крестьянка, была репрессирована. Только потому, что жила в Западной Украине, в бывшей Польше. Наталья уже в Норильске родилась. И вот, казалось бы, человек, который все это испытал, должен говорить своей дочке: не имей отношения к комсомолу — ком-

честной в этой партии. А потом вдруг надо и ей понять, что она вела себя по отношению к своей матери по-своему во многом бессовестно. А мать говорила не то, что думала.

Это огромная трудная работа по переоценке своей жизни из поколения в поколение. В Норильске особенно это видно. Как перебивали хребет нашему народу. Почитать списки — кого здесь только нет: вся культура, умы! Над чем эти умы заставляли работать! Строить дома на сваях — а надо ли было вообще их строить? Нигде в мире на севере не строят таких домов. В других странах работают вахтовым методом. И это не упрек Норильску. Люди, которые здесь живут, по-своему герои. Ребята почему так потрясены? Потому что они видят живое воплощение безумных иллюзий.

— Многие сейчас не видят этого безумия.

— Огромное количество осталось жить в Норильске. «Я пытался уехать, там хуже». 25 лет в несвободе — тянет опять

ный и закономерный. Наверное, придет время, когда люди снова соскочатся по свободе.

— Три года назад, заставая со студентами «Жизнь и судьбу», вы предвидели, что так будет, или для вас это было очевидным?

— Это было очевидным почти с самого начала. Я помню, мы выпускали «Бесов» как раз, я довольно много говорил о поверхностности тех изменений, что происходили в нашем обществе. Мы легко меняем плюс на минус, один фетиш на другой фетиш, не замечая, что нужно в принципе освободиться от фетишизма. И на меня очень многие сердились. В том числе и друзья. Им казалось, что я очень много недооцениваю. Мошь тех свершений, что с нами происходили. Нет, я оценивал, я считаю, что мы пережили революционно счастливые годы. И живем в счастливое время, в изменившееся время. Пока еще. Мы спокойно это обсуждаем — это тоже знак времени. Но мне

«Театр должен вызывать сочувствие к другим, а не к себе»

сначала не понял, что это. Думал, просто такая комната, а оказалось — комната для прогулок. Потому что сверху там может идти снег. И в этом Каларгоне такое количество приспособлений для надзора, для ужесточения, что даже Петропавловская крепость, что называется, отдыхает. Во всех старых тюрьмах, мы это знаем по романам, в дверях всегда был такой глазок для надзора. При этом была «мертвая зона», где люди могли быть недоступны взгляду надзирателя. Так вот, здесь, в Каларгоне, нет такой зоны. Потому что очень хитро сделано — в стене такой растр, который берет все. И нет места, где тебя не могут рассмотреть. До чего изощрен человек в унижении другого.

— Если говорить про унижение... Для вас унижение просить деньги на поддержку театра? Или вы как «театральный олигарх» как выразились однажды в прессе, с олигархами на короткой ноге? (Поездку на Таймыр организовал и финансировал «Норильский никель». — А.В.)

было тяжело, не должен требовать сочувствия и сострадания. Театр должен вызывать сочувствие к другим, а не к себе. Если так трудно — не занимайся этим.

— Скажем, продюсер Эдуард Бояков, который придумал премию «Золотая маска» и сейчас организовал театр «Практика», примерно так просит деньги под разные театральные проекты: «Если вы не дадите денег, погибну не я. Погибнете вы».

— Правильно. Это более правильная постановка вопроса. Если пытаюсь просить денег у государства, то я стараюсь говорить не «помогите, пожалуйста», а «ваш долг помочь». Потому что не государство нужно театру, а театр нужен государству. Не общество нужно театру, а театр нужен обществу. И это не прекрасные слова, хотя в них очень слабо верят. Общество действительно сохраняется и развивается в той мере, в какой оно культурно и в какой мере оно художественно. Морозов, который помогал МХТ, обладал очень сильной обще-

Лев Додин (слева) со студентами в таймырской экспедиции: нынешний курс Додина наверняка назовут «курсом Гроссмана»